

Светлой памяти моих учителей
Раймонда Фогельсона (1933–2020),
Джорджа Стокинга — младшего (1928–2013) —
они пробудили во мне интерес к истории
антропологии и научили ею заниматься,
а также моей дорогой маме
Елене Сергеевне Семека (1931–2022)

Список иллюстраций

1. Объявление о помолвке Александра Соломоновича Гольденвейзера и Софии Григорьевны Мунштейн. Екатеринослав, 17 июня 1878. Семейный архив Лесли Инглиш.

2. Александр Соломонович Гольденвейзер, 1910. Семейный архив Лесли Инглиш.

3. Дом № 13 по Рейтарской улице в Киеве. Семья Гольденвейзер прожила в нем много лет. Они занимали второй этаж. Фотография автора.

4. Александр Гольденвейзер — студент киевского Университета Святого Владимира, 1900. Киевский городской архив, копия принадлежит автору.

5. Братья и сестры Гольденвейзера. Киев, 1904. Слева направо: Александр, Надежда (или Елена), Эммануил, Елена (или Надежда), Алексей. Семейный архив Лесли Инглиш.

6. Семья Гольденвейзеров на пляже в Нордерней (?) на Северном море, кон. 1890-х. Слева направо (первый ряд): Надежда, Елена, Эммануил, София Григорьевна, Алексей; (второй ряд): Эмма и Григорий Мунштейны (родители Софьи Григорьевны), Александр, Александр Соломонович. Семейный архив Лесли Инглиш.

7. Александр Гольденвейзер и Анна (Хэллоу) Гольденвейзер, 1909. Семейный архив Лесли Инглиш.

8. Александр Гольденвейзер с дочерью Элис-Розалиндой, ок. 1918. Семейный архив Лесли Инглиш.

9. Александр Гольденвейзер с другими студентами Франца Боаса. Нью-Йорк, ок. 1910. Сидят, слева направо: Джозеф (?), Гольденвейзер. Стоят слева направо: Томас Уотерман (1885–1936), Пол Радин (1883–1959), Роберт Лоуи (1883–1957), Уилсон Уоллис (1886–1970), неизвестный. Семейный архив Лесли Инглиш.

10. Франц Боас со своими аспирантами, ок. 1910 (?). Датировку предложила Розмари Леви-Зумволт [из личной беседы, 3 февраля 2021].

Стоят слева направо: Фей-Купер Коул (1881–1961), неизвестный, Лоуи, возможно, Роберт Айткен (1890–1977). Сидят слева направо: Боас, Гольденвейзер. Цифровая библиотека Американского философского общества. Arsimg 2458.

11. Александр Гольденвейзер с семьей в Киеве, 1909. Слева направо: Анна (Хэллоу) Гольденвейзер, Александр Гольденвейзер, София Гольденвейзер, Алексей Гольденвейзер, Александр Соломонович Гольденвейзер. Семейный архив Лесли Инглиш.

12. Портрет вождя Джона Артура Гибсона (1849–1912) из Брэнтфорда, Онтарио. Мариус Барбо, 1912. Канадский музей истории, 20234.

13. Александр Гольденвейзер. Портленд (?), 1930-е. Семейный архив Лесли Инглиш.

14. Гольденвейзер в Университете штата Нью-Йорк в Буффало, лето 1936. Семейный архив Лесли Инглиш.

15. Алексей Гольденвейзер, 1930-е (?). Семейный архив Лесли Инглиш.

16. Эммануил Гольденвейзер, 1930-е. Семейный архив Эллен Дэвис.

Предисловие редакторов

серии **Critical Studies in the History
of Anthropology** университета Небраски

Регна Дарнелл, Роберт Оппенхейм

Обратившись к жизнеописанию Александра Гольденвейзера, автор этой книги Сергей Кан выбрал непростого и неоднозначного персонажа, научной деятельности которого почти не уделяли внимания в трудах по истории американской антропологии. Отчасти это вопрос языка: речь идет об антропологе, который во многом и как личность, и как исследователь на всю жизнь остался русским интеллигентом. Кроме того, и молчание историографов, и позиция прервавшего его Кана во многом обусловлены оценками наставника Гольденвейзера, Франца Боаса. По мнению Боаса, свой личностный потенциал Гольденвейзер не смог реализовать по причине отсутствия самодисциплины. В окружении Боаса нашлись те, кто оценивал его менее строго — например, Рут Бенедикт, которая в начале своей научной карьеры училась у Гольденвейзера в Новой школе, с теплотой вспоминает о нем как о преподавателе — однако другие, в том числе и некоторые его бывшие друзья, согласились с мнением Боаса и без обиняков называли деятельность Гольденвейзера «провалом» (Роберт Лоуи) или утверждали, что он предпочитал умозрительные теории полевой работе и данным (Маргарет Мид). Легко можно представить себе, как потенциальные биографы Гольденвейзера, наткнувшись на эти оценки, делали для себя вывод: и о чем тут писать?

Кан оспаривает уничижительную посмертную оценку Боаса и ставит перед собой цель изменить наши представления о до-

стижениях Гольденвейзера и его вкладе в прошлое и настоящее антропологии, причем сразу по нескольким пунктам. При этом Кан понимает и местами разделяет недовольство Боаса бывшим студентом. И действительно, почему Гольденвейзер не сыграл более заметную роль в развитии американской антропологии XX столетия? Действительно, случай — или, если кому-то больше нравится так, злой рок — сыграл свою роль в том, что он так и не смог найти постоянное место работы, которое соответствовало бы его талантам, и даже в нынешние времена, когда далеко не все антропологи занимают позиции, которых заслуживают, историкам все равно не стоит полностью сбрасывать этот фактор со счетов при рассмотрении прошлого этой дисциплины. Тем не менее Кан, как и Боас, по большому счету убежден, что Гольденвейзер сам стал творцом своей судьбы, со всеми ее взлетами и падениями. К 1920-м годам за Гольденвейзером закрепилась репутация безответственного гедониста — романы на стороне, неоплаченные долги, привычка передоверять коллегам и студентам оплату своих счетов — все это повлияло на его положение в профессиональных кругах. Кульминацией стал скандальный развод с первой женой, вылившийся во множество романтических, финансовых и юридических перипетий, в результате которых Гольденвейзер превратился в Нью-Йорке в персону нон-грата. Боас помогал Гольденвейзеру разобраться с проблемами, которые тот сам же себе и создал, но именно в этот момент окончательно сломалась вера Боаса в бывшего протеже. И хотя Николас Мюррей Батлер, ректор Колумбийского университета в начале XX века, безусловно, был антисемитом, Кан показывает, что именно из-за хаоса в личной жизни, а вовсе не из-за царившего в университете предвзятого отношения, Гольденвейзер упустил возможность там закрепиться. Развод его попал в газеты, воспоследовали громкие обвинения, над ним даже нависла угроза тюремного заключения — этого не смогла выдержать и Новая школа. В результате Гольденвейзер по собственной вине упустил две прекрасные возможности добиться академической стабильности, которая позволила бы ему внести более весомый вклад в науку. Если кто ищет красноречивый пример того, что

в силу внешних обстоятельств история антропологии, да и любой научной дисциплины, не сводима к одной только истории мысли, он перед вами.

Однако несмотря на то что Гольденвейзер, во многом собственными стараниями, остался в тени, Кан подчеркивает целый ряд его значимых научных достижений. Кан, наряду с такими учеными, как Уоррен Шапиро, Рэй Фогельсон и Роберт Брайтман, считает, что диссертация Гольденвейзера, посвященная тотемизму, является полностью оригинальной и во многом прорывной, пусть даже она и признана только в рамках боасианской традиции. Гольденвейзер пытался оспорить унитарную природу тотемизма и своей аргументацией во многом предвосхитил структуралистский подход к той же теме, который несколькими десятилетиями позже был разработан Клодом Леви-Строссом; из той же работы, возможно, почерпнула свое понятие «модели» Рут Бенедикт. Знакомство Гольденвейзера с другими общественными науками, помимо антропологии, глубокие познания в области философии и литературы сделали его одним из первооткрывателей междисциплинарного подхода, а то, что курсы свои он строил вокруг таких тем, как колониализм, было в те времена новаторством. Вклад Гольденвейзера в науку этим не ограничивается, хотя Кан и отмечает, что на тему женщин и секса Гольденвейзер высказывался предвзято, с учетом личных предпочтений.

Кроме того, Кан отдает должное вовлеченности Гольденвейзера в политику, особенно в том, что касается его родной России и первых десятилетий существования СССР, с которым он был знаком куда глубже, чем любой из его современников — американских антропологов¹. Гольденвейзер по большому счету придерживался либеральных, социалистических и пацифистских взглядов, но оставался при этом убежденным индивидуалистом и отчетливо видел, например, как Октябрьская революция сказалась на интеллигентах, оставшихся в России. В 1930-е годы он не поддавался соблазнам американской левизны, прошел тест на неприятие советских показательных судов и однозначно осудил

¹ См. [Кан 2021; Кан 2024].

сталинизм, притом что многие его коллеги, в том числе, что примечательно, и Боас, высказывались куда менее однозначно. Аналогичным образом — о чем тоже пишет Кан — после событий 1939 года Гольденвейзер без промедления выступил за участие США в антифашистской коалиции, а вот Боас изменил свою точку зрения только после разрыва советско-нацистского пакта о ненападении и Перл-Харбора.

Образ Гольденвейзера, созданный Сергеем Каном, безусловно, достоин подробного жизнеописания. Если оставить в стороне маргинальность, достижения его становятся очевидными. А в трактовке Кана, сочетающей в себе личное, профессиональное и политическое, нам предстает человек, который сумел разобратся очень во многом — пусть и не в самом себе.

Благодарности

Большое количество людей заслуживают искренних слов признательности за неоценимую помощь ходу моей работы. Регна Дарнелл в очередной раз проявила живой интерес к моим исследованиям в области истории антропологии и сообщила мне много ценных сведений, особенно на предмет отношений Гольденвейзера с Эдвардом Сапиром. Кроме того, она, как редактор «Критических исследований по истории антропологии» Издательства Университета Небраски, полностью прочитала рукопись и сделала ряд полезных замечаний. Второй редактор серии, Роберт Оппенгейм, также внимательно прочитал рукопись и предложил, как ее улучшить. Два внешних рецензента издательства, Роберт Брайтман и Розмари Леви-Зумволт, заслуживают отдельной благодарности. Они полностью прочитали мой опус и сделали целый ряд полезных замечаний, уточнений и предложений. Розмари, специалист по жизни и деятельности Франца Боаса, нашла несколько фактических ошибок, а ее соображения по композиции книги оказались крайне полезными. Мой недавно скончавшийся товарищ и коллега Роб Брайтман, который на протяжении многих лет интересовался деятельностью боасианцев, в том числе и Гольденвейзера, прочитал рукопись дважды и очень вдумчиво ее прокомментировал. Кроме того, он поделился несколькими занимательными историями из жизни моего героя, которые сохранились в фольклоре Колледжа Рид. Особую роль в работе над этой книгой сыграл старший редактор-аквизитор издательства Мэтью Боковой. Он не только с большим энтузиазмом относился к моей работе, но полностью прочитал

рукопись и, привлекая собственный научный опыт, внес ряд важных предложений по поводу того, как при обсуждении интеллектуальной жизни Америки 1910–1930-х годов лучше поместить взгляды Гольденвейзера в нужный контекст. Он же убедил меня расширить обсуждение исторического фона, на котором протекали полевые исследования Гольденвейзера в канадской резервации Шести Наций ирокезов. Хотелось бы упомянуть и других коллег, которые на протяжении многих лет обсуждали мой проект и произносили слова одобрения, — это покойные Раймонд Фогельсон и Айра Джекнис, а также Герберт Льюис, Майкл Харкин, Дэвид Динвуди, Игорь Крупник, Джошуа Смит, Джек Глезьер, Дмитрий Арзютов, Олег Будницкий и Максим Шрайер.

В том, что касается характера и личной жизни Гольденвейзера, неоценимую помощь мне оказали многолетняя дружба и постоянное общение с его внучкой Лесли Инглиш. Она не только поделилась со мной семейными историями, связанными с ее дедом, бабушкой и матерью, но и позволила использовать переписку ее матери с Гольденвейзером, а также многочисленные семейные фотографии, сильно обогатившие эту книгу. Троюродная сестра Лесли, Эллен Дэвис — внучка брата Александра Эммануила, тоже поделилась со мной фотографиями и интересными фактами из истории семьи. Полезные сведения о самом младшем брате Александра, Алексее, мне предоставила независимая русско-немецкая исследовательница Елена Соломински.

Успеху моих изысканий способствовала любезная помощь сотрудников нескольких архивов, в том числе Архива Колледжа Рид, библиотеки Банкрофта в Калифорнийском университете в Беркли, архивов Чикагского, Вашингтонского, Колумбийского, Мичиганского и Гарвардского университетов; архива Новой школы социальных исследований; Библиотеки Тамимент и Архива Роберта Вагнера в Нью-Йоркском университете, а также Киевского городского архива. В последнем неоценимую помощь мне оказала моя близкая подруга Олена Мартыш. Работу над книгой частично поддержал Фонд Клэр Гарбер Гудман факультета антропологии Дартмутского колледжа. В 2006 году мне при-

шлось работать в нескольких архивах на Западном побережье, где меня очень гостеприимно принимали мои дорогие друзья Кэтрин (Катя) и Питер Клейн.

И под конец — самое важное: меня неизменно поддерживали словом и делом все члены моей любящей семьи: жена, дочь, мама и отчим, а также брат и сестра. К сожалению, моя мама не дожидась выхода этой книги на английском языке в 2023 году. Поэтому я посвящаю это новое издание ее светлой памяти.

Введение

«Как же прискорбно, что такой талантливый человек попусту потратил свою жизнь из-за непомерной избалованности! Житейские и научные тяготы оказывались ему не по плечу, если ради них нужно было поступиться душевным комфортом» [Boas to Benedict. July 19 1940]; цит. по: [Mead 1959: 418]. Эти слова Франц Боас написал в июле 1940 года, узнав о кончине А. А. Гольденвейзера. Что и говорить, суровый вердикт касательно жизни и научной карьеры человека, которого современники считали самым блистательным и самым любимым учеником Боаса.

Справедлива ли оценка Боаса? На первый взгляд, безусловно. Так, если сравнить профессиональные достижения и научное наследие Гольденвейзера с таковыми его самых именитых сверстников — А. Крёбера, Э. Сапира и Р. Лоуи, — напрашивается вывод, что итоги выглядят едва ли не провальными. В отличие от коллег, Гольденвейзер так и не сумел найти полностью его устраивающего (в том числе и по оплате) места преподавателя, а также оставил после себя целый ряд не осуществленных исследований. Объем его научных трудов выглядит довольно скромно в сравнении с трудами еще одного его сверстника, П. Радина, чья пестрая научная карьера была во многом схожа с карьерой Гольденвейзера.

Именно этим объясняется тот факт, что в большинстве исследований по истории американской антропологии Гольденвейзер и его научная деятельность упомянуты лишь мимоходом, до сих пор не существует его биографии, притом что жизнь и труды многих других выдающихся учеников Боаса документированы весьма подробно, см. [Steward 1973; Murphy R. 1972; Darnell 1990;

Stocking 2000, 2004; Glazier 2020; Mead 1974; Schachter 1983; Caffrey 1989; Young 2005; Howard 1984; Grosskurth 1989; Gershenhorn 2004; Mattina 2019]¹. Если рассмотреть немногочисленные имеющиеся отсылки к его основополагающим представлениям о взаимоотношениях между личностью и культурой, о понятии инволюции и об ограничениях в развитии культуры, выяснится, что они весьма поверхностны; см., напр., [Sahlins 2004; Yengoyan 2009]. Единственным исключением служит его прорывная работа о тотемизме, но даже и о ней необходимо поговорить подробнее [Shapiro 1991; Fogelson, Brightman 2002]².

Более того, поскольку жизнь Гольденвейзера была полна сложных и малоприятных перипетий, в краткие изложения его биографии и отсылки к ней закрались как мифы, так и фактические ошибки. Например, тот факт, что после десяти лет плодотворного преподавания Колумбийский университет не продлил контракт с Гольденвейзером, несмотря на отчаянные усилия Боаса его там удержать, ошибочным образом связывают с анти-семитским настроением ректора. Существует также широко распространенное убеждение, которое первой ввела в научный обиход М. Мид, что Гольденвейзер чурался полевой работы [Mead 1940]. Более того, крайне редко упоминается, что он, будучи талантливым преподавателем антропологии, внес неоценимый вклад в подготовку нескольких поколений американских антропологов в Колумбийском университете, Новой школе социальных исследований и Колледже Рид, — его знают лишь как наставника самой известной его студентки, Р. Бенедикт [Schachter 1983; Caffrey 1989; Lapsley 1999; Banner 2003; Young 2005].

¹ При этом до сих пор не написаны биографии столь значимых студенток Боаса, как Д. Уэлтфиш, Ф. де Лагуна и ряд других. Не существует фундаментальной биографии Радина, еще одного блистательного и самобытного боасианца. Впрочем, над ней уже работает автор этой книги.

² Краткая биография Гольденвейзера и разбор некоторых его основных научных идей содержатся в неопубликованной дипломной работе одного из студентов Колледжа Рид [Dobbin 1986], научный руководитель которого Д. Френч, в свою очередь, изучал в Риде антропологию Боаса под руководством Гольденвейзера.

Недостаточно раскрыта и роль Гольденвейзера как общественного деятеля, хотя его самобытные передовые взгляды на множество ключевых проблем того времени — в частности, иммиграцию, сохранение мира, вопросы гендера — в свое время привлекали немалое внимание, особенно в 1920-х годах, когда Гольденвейзер активно публиковался в популярных периодических изданиях и часто читал общедоступные лекции. Из всех тем, которые он затрагивал в своих не относящихся к науке публикациях, принято вспоминать разве что его рассуждения о расе и о тяжелом положении афроамериканцев в США, но даже это исследовано довольно скудно [Diner 1977; Baker 1998; Anderson 2019]. Полностью проигнорировано то, с какой оригинальностью и прозорливостью Гольденвейзер критиковал общепринятый марксизм и сталинскую политику, притом что его высказывания по этим важным вопросам были не только оригинальными и чрезвычайно продуманными, но еще и предвосхитили целый ряд более поздних идей анархо-социалистов и других левых противников Сталина.

Кроме того, недостаточно исследовано русско-еврейское происхождение Гольденвейзера, его публичные заявления по поводу еврейской идентичности, ассимиляции и антисемитизма. Влияние его отца, одного из виднейших российских юристов и теоретиков юриспруденции, а также культ Л. Н. Толстого в семье Гольденвейзеров также остались незамеченными.

Я давно интересуюсь историей российской и американской антропологии конца XIX и первой половины XX века, поэтому и решил заняться историей жизни и деятельности этого блистательного и очень неоднозначного человека; см., напр., [Кан 2021; Кан 2023; Кан 2006; Кан 2009a; Кан 2009b; Кан 2015a; Кан 2015b; Кан 2019; Кан 2021; Кан 2024; Кан, Arzyutov 2016; Arzyutov, Кан 2017]. В этой связи я изучил абсолютно все его опубликованные научные работы, не ограничившись горсткой широко известных публикаций. Чтобы оценить его вклад в воспитание и обучение целого поколения ведущих американских антропологов, я обратился к архивам основных учебных заведений, где он преподавал (напр., Колумбийского университета, школы Рэнд, Новой школы

социальных исследований, Колледжа Рид). Дополнительные сведения я почерпнул из архивов коллег Гольденвейзера, которые с ним переписывались, — они хранятся в Чикагском университете и еще нескольких архивах.

Чтобы досконально разобраться в отношениях Гольденвейзера с его наставником Боасом, а также с другими учеными, как его ровесниками, так и младшими современниками, я изучил их переписку, по большей части неопубликованную; она хранится в Архиве Роберта Лоуи и Альфреда Крёбера в Библиотеке Банкрофта Калифорнийского университета в Беркли; переписку Э. Сапира из Канадского исторического музея; Архив Рут Бенедикт в Коллеже Вассар и Архив Мелвилла Джейкобса в Университете штата Вашингтон. Чтобы оценить роль Гольденвейзера как заметного американского общественного деятеля, я нашел и проанализировал его публикации в разных неакадемических изданиях, от *Nation* и *New Republic* до *Menorah Journal* и *Urban League Bulletin*.

И наконец, я попытался реконструировать историю первых двадцати лет жизни Гольденвейзера, проведенных в России, прояснить его отношения с родственниками, в том числе с отцом, двумя братьями, женой и дочерью. В 2019 году поиски привели меня в его родной Киев, где в городском архиве я обнаружил ценные документы, связанные с его жизнью; другие были обнаружены в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете, крупнейшем хранилище документов, связанных с русской эмиграцией: там хранится переписка Александра с самым младшим братом Алексеем (Алексисом). А главное, мне посчастливилось отыскать нескольких потомков Гольденвейзера, с которыми мы подружились: прежде всего это его внука Лесли Инглиш и внучатая племянница Эллен Дэвис, которые любезно поделились со мной многочисленными семейными фотографиями и письмами, а также устными семейными преданиями. Самым ценным оказались письма Гольденвейзера 1930-х годов к дочери Элис-Розалинде (матери Лесли Инглиш) [LEFA].

История жизни и научной деятельности Гольденвейзера, которую я восстановил в результате этих разнообразных поисков, одновременно и сложна, и очень интересна, и местами трагична.

Перед нами человек, который приехал в Америку в двадцать с небольшим и провел там следующие сорок лет жизни, но при этом остался европейским интеллигентом, для которого Новый Свет так и не стал настоящим домом. Перед нами американский антрополог еврейского происхождения, который прекрасно освоил англоязычную прозу, но всю жизнь обожал русские поговорки и сохранял тесную связь с русской культурой и политикой. Перед нами блистательный ученый, который внес значительный вклад в развитие антропологической теории, особенно теории культуры, антропологии религии, психологической антропологии и взаимосвязей антропологии с другими общественными науками, но при этом оставил весьма скромное опубликованное наследие — по крайней мере в сравнении с другими крупными учеными той эпохи. А еще перед нами общественный деятель, который с пылом отстаивал права личности и был верен идее либеральной демократии, но при этом видел множество недостатков в экономическом и политическом устройстве Америки. И наконец, перед нами талантливый этнограф, который сумел установить прекрасные отношения со своими консультантами из числа индейцев ирокезов, однако успешную экспедиционную работу ему пришлось прервать из-за недостатка средств и необходимости зарабатывать преподаванием — а также в связи с собственными бесшабашными выходками.

Наряду с многочисленными достижениями Гольденвейзера в глаза бросаются и его провалы: от многочисленных безуспешных попыток трудоустройства до научных начинаний, которые были задуманы, но не претворены в жизнь. Что касается провалов, трудно винить в них кого-то, кроме самого Гольденвейзера. Будучи индивидуалистом и анархистом по политическим взглядам, он не желал поступаться своими убеждениями и свободой во имя профессионального успеха. Он был преданным другом, но иногда эгоизм и тщеславие брали верх. Он был искрометным и искушенным собеседником, но порой чванился и глядел на слушателей свысока. Он обладал безусловным шармом, но мог рискнуть карьерой и семейным благополучием ради удовлетворения мимолетных прихотей, будь то ухаживание за женщинами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru